

ПАВЕЛ КУТУЕВ,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”

Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа Андре Гундера Франка

Abstract

The article explores the peculiarity of Andre Gunder Frank's new research program centered around the notion of the world system. Frank's ideas are juxtaposed with world-systems analysis and his characteristics of five-thousand-year single world system are discussed. The article argues that Frank's approach is instrumental in identifying weaknesses of his opponents arguments (e.g., Immanuel Wallerstein) while thus is paving the way to more synthetic and multi-dimensional theorizing on societal development. It is also shown that the research program of the world system suffers from traditional flaws inherent in Frank's thought: economic determinism, reductionism, structurulist bias, substitution of Asiaticism for Eurocentrism.

Вступление

Дж.Хоманс признался в своих мемуарах, что, прочитав рукопись “Структуры социального действия” Парсонса в 1936 году, он даже не смог высказать критические замечания в адрес этой будущей Magna Charta социологии, столь глубока была его ненависть к тексту: “Это была еще одна книга, полная слов о словах других людей. Очень редко книга входила в контакт с реальным человеческим поведением” [1, с. 323]. Впрочем, думаю, что автор теории обмена ошибался, отрицая жанр слов о словах других, поскольку постижение “вещей” невозможно без адекватного понимания слов

других. В центре моего исследования — попытка А.Г.Франка (1929–2005)¹ создать новую исследовательскую программу, ядром которой была бы концепция мировой системы. Я убежден, что интерпретация и контекстуализация “слов”/концепций нового и, к сожалению, последнего, этапа теоретизирования Франка обогатит наш аналитический инструментарий, способствуя лучшему пониманию как динамики социологической теории, так и общества. Моя статья сконцентрирована на экспликации Франковой исследовательской программы мировой системы и оценке ее импликаций для социологического теоретизирования о социальных изменениях в целом и динамике модерна в частности.

Среди выдающихся теоретиков общества современности именно А.Г.Франк имел уникальную способность продуцировать новаторские и иконоборческие идеи, которые он разрабатывал с такой последовательностью и эмоциональной приверженностью, что нередко доводил их до абсурда, демонстрируя тем самым объективные лимиты современного социологического (по)знания. Франк развил свою новую исследовательскую программу, отбросив как собственное теоретизирование о мировой капиталистической системе 1960–1970-х годов, так и построения своего бывшего соавтора И.Валлерстайна и исследовательской программы мир-системного анализа в целом. Его критика мир-системного анализа и отрицание капитализма как понятия и реальности высвечивает все недостатки Валлерстайнового конъюнктурного объяснения происхождения капитализма и теоретическую опасность нивелирования различий между капитализмом и докапиталистическими формами общественной организации, присущей мир-системному анализу. Подобное пренебрежение своеобразием капитализма совершило пролом в, казалось бы, безупречной логике мир-системных построений, пролом, в который Франк направил атаку своих аргументов, превращая изысканные конструкции мир-системных аналитиков в руины.

Кульминацией новой исследовательской программы Франка стал его трактат “ПереОРИЕНТация” (1998)², анализ аргументации которого с точки зрения конструирования им исторической социологии азиатской гегемонии должен стать следующим шагом в изучении наследия этого мыслителя. Переориентация, к которой призывает Франк, уже давно актуальна, поскольку евроцентризм глубоко укоренился в сознании исследователей, представляющих многообразные обществоведческие дисциплины и исследовательские программы. О влиянии евроцентристской позиции свидетельствуют даже исследования советских ученых, которые рассматривают начало колониального присутствия европейцев в Азии телеологически и приписывают первым стадиям этого проникновения такие значение и влияние на азиатские общества, которые им предстоит приобрести лишь со временем³.

¹ Я проанализировал Франкову исследовательскую программу *зависимости и развития недоразвития* в целом и ее связь с идеологией в частности в следующих публикациях: [2; 3; 4, с. 188–239].

² См.: [5]. Я исследовал идеологические основания подхода Франка в: [6].

³ Ярким и одновременно распространенным образцом советского официального евроцентризма является, например: [7].

Истоки дискурса мировой системы

Заслуживает внимания тот факт, что все *исследователи*, которые так или иначе в 1960-е годы стали использовать концептуальный язык, опирающийся на понятие мировой системы, не только занимались проблемами третьего мира, но и осуществляли свои исследования, используя научные центры стран третьего мира. Академическим и идеологическим основанием подобной деятельности могут служить слова Т. душ Сантуша, который предлагал социальным группам третьего мира, оказавшимся в проигрыше, самим анализировать функционирование мировой системы и империализма, а не позволить тем, кто оказался за штурвалом мировой системы, использовать свое триумфалистское видение в написании истории мир-системы для “неудачников” [цит. по: 8, с. 217]. Для исследователей этого периода были характерны сфокусированность на “тотальности” и акцент на необходимости анализа капиталистической структуры/накопления/развития/истории мировой системы, который должен был предшествовать изучению ее отдельных элементов (стран и регионов). Самин Амин в своей докторской диссертации “Накопление в мировом масштабе” (1957) предложил именно такой подход. Следующим шагом стало его исследование места Африки в этом процессе. Амин также выступил популяризатором взглядов *dependentistas* Африки, организовав конференцию сторонников теоретизирования о зависимости в 1972 году в Дакаре. Сам Франк использовал термин “мировая система” (без дефиса), начиная с 1960-х годов, и в 1970-м выступил на конференции в Лиме с подробным докладом о “развитии теории и анализа, адекватных задаче охвата структуры и развития капиталистической системы в интегрированном мировом масштабе” [8, с. 217]. Находясь в 1973 году в Чили, Франк ознакомился с рукописью первого тома Валлерстайновой “Модерной мир-системы”, появление которой он горячо приветствовал, предрекая этой книге немедленное завоевание статуса классической.

Франк считает, что в течение 1960-х годов Амин, Валлерстайн и он лично, работая независимо друг от друга, двигались параллельно, изучая мировую капиталистическую систему с момента ее возникновения в 1450–1500 годах в Западной Европе вплоть до дальнейшей инкорпорации ею остального мира: “Наши независимые объяснения были удивительно схожими, и не только касательно взаимодействия между центром и периферией, но и относительно взаимодействия между Восточной и Западной Европой и влияния этого взаимодействия на “мелкие” проблемы, вроде “второго издания крепостничества” в Восточной Европе” [8, с. 218].

Примечательно, что на 1970–1980-е годы приходится еще более тесное сотрудничество Франка, Валлерстайна, Арриги и Амина, которые совместно издали несколько книг. Именно Дж. Арриги убедил Франка в 1972 году, что мир находится в начале нового Кондратьевского цикла *Б* (спада), но позже Арриги вообще отказался от мышления в терминах циклов Кондратьева. Важной проблемой в ходе дискуссий тех лет было выяснение того, распространяется ли мировой капиталистический системный кризис на “социалистические” страны. Сталин выдвинул в 1953 году гипотезу о существовании отдельной “мировой системы” социализма, тогда как Валлерстайн и Арриги рассматривали Советский Союз и большую часть Восточной Европы как полупериферию современной мир-системы. В свою очередь, Франк на-

чиная с 1972 года доказывал, что мировая капиталистическая система и ее кризис неизбежно будут распространяться на “социалистические” страны, которые тоже станут частью общего кризиса накопления.

Расхождения между Франком и Валлерстайном начали нарастать по вопросу о перспективах смены нынешней мировой капиталистической системы качественно иной системой. Согласно Франку, количество эмпирически обоснованных аргументов в пользу такой системной трансформации неуклонно уменьшалось, Валлерстайн же был оптимистически настроен относительно перспектив социалистического мир-устройства. Позже состоялась дискуссия о факторах “подъема Европы”. Франк отказался и от идеи о своеобразии “феодализма”, “капитализма” и “социализма”, а также от взгляда на Европу как место рождения современной мир-системы. Под влиянием аргументов рукописи книги Джанет Абу-Ладжход, вышедшей под названием “К началу европейской гегемонии” [9], Франк признал ошибочными Валлерстайнов 1450 год и свой 1492 год как даты начала истории мировой системы. В свете попытки со стороны Абу-Ладжход доказать положение о существовании мир-системы в XIII веке, выбор Броделевого долгого XVI века как времени рождения “современной исторической системы” в глазах Франка и его нового соавтора Б.Гиллса стал выглядеть сомнительным. Он выдвигает гипотезу о единой мировой системе, которая, не меняя своей идентичности, переживала циклические спады и подъемы в течение последних 5000 лет. Валлерстайн, реагируя на концептуальные новации Франка, так прокомментировал принципиальное различие между ними: “Следует обратить внимание на деталь в употреблении слов, которая отличает Франка с Гиллсом от меня. Они говорят о “мировой системе”, я говорю о “мир-системах”. Я использую дефис, а они — нет. Я использую множественное число, а они — нет. Они используют единственное число потому, что для них существует и всегда существовала только одна мировая система на протяжении всего исторического времени и пространства. На мой взгляд, существовало множество мир-систем... Современная мир-система (или “капиталистическая мир-экономика”) является всего лишь одной системой из многих... Моя “мир-система” — это не система “в мире” или система “мира”. Это система, “являющаяся миром”. Отсюда происходит дефис, поскольку “мир” — это не атрибут системы. Скорее два слова образуют единый концепт. Система Франка и Гиллса является Мировой системой в атрибутивном смысле, то есть она тяготеет к охвату в течение определенного времени всего мира” [10, с. 294–295].

Принципы исследовательской программы мировой системы

Итак, в начале 1990-х годов Франк и его соавтор Б.Гиллс предприняли попытку радикально переформулировать основы западного социологического теоретизирования о природе социальных изменений и предложили, во-первых, отказаться от понятия капитализма, во-вторых, отбросили эвристичность любых попыток стадийного анализа истории (будь то в форме стадий роста В.В.Росток или же в виде формаций Марковского подхода) [см.: 11; 12; 13; 14]. Сравнительный анализ идей таких мыслителей, как Вебер, Франк и Валлерстайн, позволяет рельефнее определить содержание взглядов каждого ученого на капитализм (либо на его отсутствие, а соответственно и неуместность использования этой концепции). Для Вебера капитализм су-

ществовал всегда; капитализму как неудержимому стремлению к прибыли противостоит специфически-западный рациональный капитализм с его акцентом на реализации призвания индивида в рамках его профессии. Валлерстайн (как и Франк до начала 1980-х годов) рассматривал капитализм как формационно-стадиальное явление: ему предшествует феодализм, и возникает эта историческая система в XVI веке. Новый подход Франка к проблематике капитализма делает акцент на том, что черты, которые Валлерстайн определяет как присущие сугубо капитализму, в действительности прослеживаются в течение всей истории человечества с момента возникновения первых цивилизаций, то есть на протяжении 5000 лет¹. Отсутствие дефиса между терминами “мир” и “система” во Франковой мировой системе (в противоположность Валлерстайновому применению понятия “мир-системы” — во множественном числе и с дефисом), выглядевшее всего лишь незначимой терминологической особенностью Франкового употребления общего категориального аппарата, получило принципиальное значение.

Согласно Франку, исчезновение ленинизма как социально-политического феномена радикально подорвало легитимность теоретизирования в терминах перехода от капитализма к социализму; на повестку дня вышел “переход от социализма к капитализму”. Гегемония США в рамках ядра мир-системы утратила свою бесспорность, и многие исследователи восприняли это как симптом сдвига гегемонии от США к Восточной Азии. По мнению Франка, господство идеологических клише, уходящих корнями в эпоху, предшествовавшую гегемонии европейского капитализма, крайне осложняет восприятие реалий политико-экономической системы как определенной целостности. Подъем Европы, убежден Франк, должен рассматриваться как сдвиг гегемонии с Востока на Запад в рамках одной системы и ни в коем случае не был признаком возникновения новой системы, как это пытался доказать Валлерстайн. Тенденцией современной мировой системы является возвращение гегемонии назад на Восток, и именно мышление с привлечением категорий “переход” и “способ производства” не позволяет изучать непрерывность мирового развития.

Еще в период теоретизирования в терминах зависимости и развития недоразвития Франк отмечал, что “если мы хотим постичь латиноамериканскую проблематику, мы должны начать анализ создающей ее мировой системы и выйти за пределы оптических и ментальных иллюзий иберийско-

¹ Валлерстайн остро среагировал на это предложение Франка, иронично предложив сделать австралопитеков предметом анализа социологов [15, с. 155]. Впрочем, такая критика не попадает в цель, поскольку Франк настаивает на существовании интенсивных экономических связей уже во времена первых цивилизаций (три тысячелетия до н.э.), и именно этот аргумент должен верифицироваться и фальсифицироваться. Разумеется, для Валлерстайна неприемлема перспектива отказа от периодизации социальных процессов, поэтому он противопоставляет Франковой инициативе альтернативную позицию, используя пример Китая: “Одним из способов мышления о Китае является постижение его как названия, привязанного к определенной географической территории, на которой последовательно существовали исторические системы, имевшие мало общего между собой, причем каждая из них поддерживала (в течение длительного времени) мифы относительно цивилизационной последовательности. В таком случае вместо того, чтобы говорить о Китае как о цивилизации, мы эмпирически говорим о пяти, шести или семи разных исторических системах...” [15, с. 158].

американской или национальных систем координат, которые мы сами себе навязываем” [16, с. 231]. Аналогичный стиль мышления следует применять и к анализу событий вокруг так называемого перехода от феодального к капиталистическому способу производства в Европе — изменения в структуре европейских обществ были производной от динамики мировой системы. При таком взгляде, аргументирует Франк, становится очевидным, что мировая система не возникла в 1550 году; она также не возникла в Европе, а главное, она не имела тогда, а значит и не имеет сейчас специфически-капиталистического характера.

Франк убежден, что все черты современной мировой системы, по мнению Валлерстайна, формирующие ее особенность, прослеживаются и до 1500 года. Подобно Валлерстайну, Франк отвергает идею “духа капитализма” как феномена, который имел избирательное родство с новой “формацией”, способствуя, таким образом, ее развитию. Он настаивает, что мировая история последних 25 веков дает множество примеров капиталистической деятельности в разных формах — от производственной до финансовой. Так называемые докапиталистические исторические системы также широко использовали наемный труд. Франк и Гиллс убеждены, что критерием существования единой мировой системы является наличие интенсивных торговых связей между ее элементами. Торговля интегрирует “общественные формации” в международное разделение труда, поскольку торговлю и производство невозможно отделить. Аргументом в пользу существования единой мировой системы в минувшие эпохи служит также фиксация циклических процессов ее расширения и сжатия.

Критика Валлерстайна дает Франку основания для ряда взаимосвязанных выводов: во-первых, он предлагает отказаться от понятия Европейской мир-системы и осознать маргинальный статус Европы внутри системы, существовавшей до XVI века (известно, что именно это столетие оказалось критически важным для сторонников тезиса о “подъеме Запада”). Во-вторых, Франк соглашается с американской исследовательницей Дж.Абу-Ладждод, призывая анализировать Азиатско-Африканско-Европейскую ойкумену, кризис которой способствовал гегемонистическому подъему Европы (Франк также убежден, что три коллапса, которые Валлерстайн локализует в Европе, — кризис класса феодалов, кризис государств и кризис Церкви — в действительности обуславливались процессами, происходившими за пределами Европы и были связаны с фрагментацией “мир-системы” в понимании Абу-Ладждод. В-четвертых, Франк предлагает распространить анализ мировой системы в терминах Кондратьевых циклов и на “докапиталистические” эпохи (Валлерстайн весьма явно допускает такую же возможность, говоря о циклическом спаде в течение 1250–1450 годов в Западной Европе). В-пятых, достижение гегемонии Европой в мир-системном измерении ни в коем случае не было *первым* в мировой истории: европейская гегемония просто пришла на смену тем, что ей предшествовали (подробнее этот тезис будет обсуждаться в моем следующем материале, посвященном оценке аргументов трактата Франка “ПереОРИЕНТация”). Шестая инициатива Франка предлагает вести поиск истоков мировой системы и факторов ее динамики в течение последних 500 лет настолько далеко в прошлом, насколько исторические данные позволяют нам это делать. В-седьмых, Франк считает, что все попытки разработки идеи “протокапитализма”, якобы существовавшего в рамках

“других” и “ранних” систем, заводили и будут заводить исследователей в тупик, поскольку технологические изменения и накопление капитала тоже имели место в предшествующих эпохах (системах). В-осьмых, Франк отрицает корректность идентификации “системы” и “способа производства”, прибегая к аргументам в пользу анализа в терминах единой системы, оставшейся неизменной независимо от того, какой “способ производства” существовал в ту или иную эпоху [см.: 11]. Франк убежден, что в реальности единственным признаком Валлерстайновой “модерной мир-капиталистической-системы” является ее способ производства. Такая концептуальная путаница, редуцирующая “систему” к “способу производства”, свойственна как мышлению бывших интеллектуальных коллаборантов Франка (вроде С.Амира), так и дискурсу его воинствующих критиков (например, Р.Бреннеру). Отказ от ошибочного понятия способа производства, являющегося не чем иным, как оптической иллюзией, позволяет понять, что переход, о котором так много говорят исследователи разного рода, является переходом между переходом и переходом. И наконец, — так сказать, *last but not least*, — Франк делает свой принципиальный вывод: необходимо отречься от веры в капитализм как отдельный способ производства и отдельную систему, поскольку легитимация такого идеологизированного взгляда на мир осталась в прошлом: для марксистов разных ориентаций обоснование концепции “перехода” от античности к феодализму, а затем от феодализма к капитализму было призвано “верифицировать” их убеждение в возможности перехода к высшему способу производства — социализму.

Политики неолиберального направления — от Р.Рейгана до М.Тэтчер¹ — настаивали на своеобразии капитализма, что позволяло им прославлять эту “систему”. По мнению Франка, принцип конкуренции, или Гоббсовой войны всех против всех, был реальностью мировой системы в течение тысячелетий, но Франк также считает, что вместо панегирика эта система заслуживает морального осуждения, поскольку порождает ситуацию, при которой выигрывает только меньшинство, а большинство остается в проигрыше.

Мировая система versus модерная/капиталистическая мир-система

Франк и Гиллс считают, что Валлерстайн, следом за К.Поланьи и М.Финли², допустил роковую ошибку, недооценив важность накопления капитала посредством торговли и рынка во времена античной мировой системы. Поэтому Франк предложил рассматривать Валлерстайнову мир-систему не как отдельное образование, а как хронологически современный период единой мировой системы, которая просто находится на более высокой

¹ Симптоматично для стиля мышления Франка включение социалиста Ф.Миттерана в список таких пламенных “новых правых”, каковыми были Рейган и Тэтчер. И хотя исследователи политических идеологий и правительственной политики задокументировали кризис всего спектра левых политических движений, этот кризис приобрел черты не столько конвергенции между левыми и правыми, сколько заимствования первыми формул вторых. Подобное невнимание к нюансам различий в структурах “надстройки” логически следует из Франковского экономического уклона.

² Эти авторы критиковали концепцию античного капитализма М.Ростовцева.

стадии интеграции по сравнению с прошлыми эпохами. Валлерстайн ответил на критику призывом отказаться от спора о несущественном, то есть о единице анализа в социологии. Такая позиция противоречит его собственным формулировкам основ мир-системного анализа, поскольку в начале своей деятельности по основанию этой исследовательской программы он придавал центральное значение вопросам о том, могут ли обычные категории: “общество”, “государство” и “страна” служить единицей анализа и ратовал за мир-систему как новый предмет исторической общественной науки.

Ф.Бродель в свое время выразил уверенность в том, что мир-система Валлерстайна является наиболее масштабным географическим образованием, способным сохранять свои системные качества. Но если согласиться с предположением Франка и Гиллса о пяти тысячелетнем возрасте мировой системы, изначально имевшей характер глобальной экономики, схема Валлерстайна становится слишком узкой и пространственно, и темпорально: в своей “Модерной мир-системе”, анализируя европейскую историю с 1450 года, он начинает рассмотрение событий в Азии, и даже в России и Османской империи только с 1750 года, оставляя 80% населения мира за пределами своего исследовательского взгляда. Такое невнимание к Остальным (the Rest) делает Валлерстайнову критику евроцентризма весьма неубедительной и превращает его самого в последовательного, хотя, возможно, и неосознанного, сторонника тезиса о “Европейском чуде”.

Знаменательно, что одна из главных задач, поставленных Франком в его книге “ПереОРИЕНТация” (1998), состояла в демонстрации несовместимости масштаба реальной исторической мировой системы и того, что он назвал прокрустовым ложем Броделево-Валлерстайновой Европейской мир-экономики, ставшей капиталистической мир-системой, и особенно показательно это в свете эмпирических данных о существовании “действительно глобального разделения труда и конкурентной экономики, в которой Азия занимала центральную позицию — а Европа оставалась маргинальной — вплоть до 1800 года” [8, с. 227]. Франк убежден, что постижение такой глобальной экономической системы требует решительного отказа от тех компонентов социологического теоретизирования, которые превратились в общие места в дискурсе социологов и воспринимаются как самоочевидные истины. Отрицая евроцентристский уклон “традиционной” социальной теории от Маркса до Валлерстайна, как и собственного теоретизирования до конца 1980-х годов, Франк считает, что его книга отдает должное Азии — региону, где в 1750 году проживало две трети населения земного шара, на которое приходилось четыре пятых мирового производства — и демонстрирует наличие высоко-развитой интеграции экономики, во всяком случае, в Африевразии, задолго до сакраментальных для западного обществоведения XV–XVI веков. Франк приходит к однозначному выводу: “Мы должны пересмотреть историографию и социальную теорию, и особенно подходы к подъему Запада, которые нам всем предлагались... Боюсь, что в большинстве случаев мы вынуждены будем не просто пересматривать, но и отбрасывать их” [8, с. 227].

Франк бесспорно соглашается с классификацией А.Бергсена, который разделяет исследователей, занимающихся проблематикой динамики мировой системы, на три группы: 1) те, кто, подобно Р.Бренеру, сохраняет уверенность — à la Вебер — в исключительности европейского развития, в основном определявшегося эндогенными факторами (в марксистском ва-

рианте добавляется акцент на различиях классовой структуры феодального и капиталистического обществ); 2) ученые, “растягивающие” старую теорию, чтобы постичь более широкие сегменты социальной реальности (по типу Валлерстайнового видения разрастания Европейской мир-экономики, постепенно инкорпорировавшей Остальных в рамки Запада)¹; 3) социологи, для которых первоочередной задачей является разработка новой теории [см. : 19]. Именно для последней группы исследователей приоритетом является “ПереОРИЕНТация” фокуса социальной теории с ее ошибочной одержимостью европейскими событиями и их влиянием на мир на “глобальную экономику Азиатской эпохи”, поскольку она была реальностью вплоть до 1800 года и начиная с 2000 года снова стала приобретать реальные очертания. Предпринимая подобную “ПереОРИЕНТацию”, Франк доказывает, что он пытается реализовать методологические принципы, декларируемые, но не примененные Валлерстайном в практике мир-системных исследований, поскольку, по словам самого патриарха мир-системного анализа, “все ожидания универсальности, как бы искренне к ним ни стремились, так и не были воплощены... Вряд ли следует удивляться евроцентризму общественных наук, которые в течение XIX века создавались в Европе и Северной Америке. Европейский мир того времени переживал свой культурный триумф. ...Каждый универсализм порождает ответ на самого себя, ответ, который, в определенном смысле, детерминируется природой господствующего универсализма (или универсализмов). ...Приоритетом современных общественных наук является “инспекция” наших теоретических оснований с точки зрения присутствия среди них скрытых априорных допущений, оказавшихся неоправданными” [20, с. 49; с. 51; с. 60; с. 56].

Пространственные и темпоральные контуры мировой системы

Франково теоретизирование периода исследовательской программы зависимости и развития недоразвития *пространственно* распространило капитализм на весь мир, отбросив возможность сосуществования разных способов производства после 1492 года — сам факт колонизации “Нового мира” автоматически превратил его в зависимо-недоразвитый регион капиталистической мировой системы. Следующим шагом стало обоснование Франком необходимости *темпорального* расширения характеристик, приписываемых капитализму. Одновременно он отказался от самого понятия капитализма, считая, что эмпирические данные, имеющиеся в распоряжении исторической социологии, дают все основания говорить о логике империализма и экспансии капитала, присутствующей, скажем, в древней Месопотамии, и о колониализме, присущем, к примеру, Ассирии. Для Франка,

¹ Франк придерживается мнения, что первую и вторую группы ученых объединяет вера в существование идущих на смену друг другу способов производства. В схеме Валлерстайна переход от феодализма к капитализму служит теоретическим обоснованием и идеологической легитимацией его тезиса о замене современной мир-системы другой — социалистической (в его оптимистическом теоретизировании 1970–1980-х годов) или просто более рациональным [17, с. 616] или более справедливым [18] строем, от конкретизации природы которого он теперь агностически уклоняется, да и шансы пришествия которого меньше, чем апокалиптическая перспектива дезинтеграции современной исторической системы.

как и для К.Экгольма и Дж.Фридмана [21], античный капитал, существовавший в форме накопления золота (то есть как денежный капитал), был в своих основаниях идентичен капиталу современному.

Разрабатывая свою новую исследовательскую программу, Франк считал целесообразным разоблачить контрверзность мышления исследователей, которые, подобно К.Поланьи, считали, что эпоха рыночного общества, — то есть общества, структурированного согласно рыночным принципам, — является продуктом “великой трансформации”, ознаменовавшей приход “нашего времени”, и качественно отличается от предшествующих эпох. Для него даже простое признание со стороны Поланьи факта первичности внешней торговли над торговлей внутренней является доказательством того, что этот ученый пересмотрел свои взгляды на данный вопрос. Однако Франк полностью игнорирует дистинкцию Поланьи между статусными мотивами и мотивами прибыли, являющимися двумя отдельными типами движущих сил экономической деятельности. Но Франк не ограничивается переоценкой роли предпринимательского элемента в жизни первых цивилизаций, то есть более сложных обществ. Он также обвиняет археологов, а именно Г.Чайлда, в пренебрежении потенциалом неолитической экономики по части генерирования дополнительного продукта. Логичным шагом, с точки зрения достижения теорией мировой системы когерентности, становится стремление расширить традиционную Марксову дефиницию капитала и предложение рассматривать его не только как функцию перераспределения прибавочного продукта, но и как инфраструктурные инвестиции в сельское хозяйство (например, ирригацию земель и животноводство), промышленность, транспорт, коммерцию, вооруженные силы, легитимацию (храмы и престижные продукты потребления), а также образование и культурное развитие человеческого капитала.

Кроме этой черты, все предыдущие эпохи, по мнению Франка и Гиллса, характеризовались наличием феномена гегемонии. Известно, что Валлерстайн определяет гегемонию как сочетание трех видов конкурентоспособности: производственной на рынках ядра, коммерческой, вытекающей из предыдущей, и финансовой. В свою очередь, Франк и Гиллс считают данный подход одномерным из-за сосредоточенности его на редкостных и “хрупких” моментах одновременного достижения тем или иным государством ядра всех трех преимуществ. Гегемония такого рода может быть лишь краткосрочной, поэтому следует учитывать также весь спектр взаимодействия между всеми существующими государствами-гегемонами. Различение модерной гегемонии и традиционного имперского порядка в мир-системном анализе, с точки зрения Франка и Гиллса, легко опровергнуть: два из трех государств-гегемонов, фигурирующих в исследованиях Валлерстайна, были одновременно колониальными империями (Нидерланды и Британия). Альтернативное видение проблематики гегемонии, предлагаемое Франком и Гиллсом, подчеркивает доминирование политико-экономических центров накопления, сменяющих друг друга в результате конкуренции между несколькими такими центрами. Гегемония реализуется в практике накопления капитала центрами-гегемонами за счет не только периферии, но и других государств ядра. Военно-политическое “растягивание” (*overstretching*) ресурсов гегемона (концепцию растягивания разрабатывали А.Гембл [22] и П.Кеннеди [23]) в итоге приводит к смене гегемона.

Франк и Гиллс подводят к мысли о том, что в “домодерно-докапиталистическую” эпоху существовали не только региональные империи, но и “супергегемоны”, способные к “супернакоплению”, к примеру, Монгольская империя и Сунский Китай. Собственно, определение феномена гегемонии, которое предлагают эти авторы, акцентирует привилегированные возможности накопления прибавочного продукта, поэтому гегемония оказывается средством приобретения богатства, а не власти. Соответственно сверхдержавы мир-системного анализа только продолжили традицию гегемонии после 1500 года: в итоге сам Валлерстайн соглашается с мнением Абу-Ладжход, что падение Востока предшествовало во времени подъема Запада, а последнее событие всего лишь зафиксировало очередной сдвиг гегемонии в мировой системе. Франк считает, что он и его последователи делают логичные выводы из положений Абу-Ладжход и Валлерстайна и делают дополнительный — наиболее масштабный шаг — с целью максимально возможного расширения временных рамок мировой системы. Таким образом, история мировой системы — это последовательность смены центров гегемонии, то есть центров накопления, а фактором этих изменений является реструктуризация системы как таковой [подр. см. : 12]. Еще одним принципиальным различием между Валлерстайновым и Франковым пониманием гегемонии является отрицание последним идеи о возможности единого гегемона в рамках системы и упор на большую эвристичность понятия взаимосвязанных гегемоний.

Не являются исключением и циклы Кондратьева, фаза *A* которых знаменует подъем экономики, а фаза *B* — ее спад. Их история не ограничивается периодом капитализма, и Франк не имеет ни малейших сомнений в их существовании, как и в существовании всех остальных характеристик Валлерстайновой современной исторической системы, на протяжении всей истории “цивилизации”.

Если Франкова критика непоследовательности Валлерстайновой альтернативы евроцентризма действительно развенчивает внутреннюю противоречивость и амбивалентность позиции мир-системного анализа по данному вопросу, то его заявление об уместности смены евроцентризма “гуманомцентризмом” остается на уровне декларации. Фактически Франкова “ПереОРИЕНТация” предлагает новый региональный уклон вместо прежней “зачарованности”¹ Оксидентом.

Франк не ограничивается формулировкой методологических предположений своей новой исследовательской программы, он пытается также верифицировать ее положения при помощи аналитического инструментария других общественных и гуманитарных дисциплин. Специалисты по мировой истории, по мнению Франка, уже начиная с Фредерика Тегарта, который изучил корреляцию политических и экономических событий в древнем Китае и Риме [24], и кончая автором влиятельного исследования “Подъем Запада” Уильямом МакНилом [25], старались постигнуть параметры “экуменической мировой системы, в которой мы живем” [26, с. 10]. Другой американский историк Маршалл Ходжсон тоже выразил эксплицитную под-

¹ Выбор слова “зачарованность” не случаен — он генетически связан с традицией, заложенной одним из основателей российского славянофильства А.Хомяковым его поэтическими строками о Западе как крае чудес.

держку тезису о — трехтысячелетней в его случае — системе, имеющей единую историю. Поэтому “важно признать, что существует определенный развивающийся структурный образец (pattern). Такой шаг будет способствовать изучению всех этих межрегиональных изменений как в плане их влияния на этот образец, так и с точки зрения влияния структурного образца на его элементы...”¹ [27, с. 719]. Франк не сомневался, что именно в его новой исследовательской программе предложен простой и одновременно элегантный аналитический инструментарий для адекватного постижения идеи именно мировой истории, а не традиционной истории мира, разделенного на закрытые цивилизации-монады. Мировая система, несмотря на свою первобытную “мультикультуральность”, всегда имела также единую историю, и осознание данного единства не требует Европейских/Западных эгоцентричных иллюзий для ее обоснования. Более того, Франк отказывается от старой и популярной идеи прогресса, которую должна сменить циклическая интерпретация истории как последовательности подъемов и спадов.

Методология исследовательской программы мировой системы требует реинтерпретации конвенциональных утверждений о доминировании политических/принудительных методов получения прибавочного продукта в так называемых докапиталистических обществах, поскольку постоянно растет количество фактов в подтверждение распространенности в мире жизненно важной роли частного купеческого капитала и “вольных” имперских городов в генерировании доходов, за счет которых государство существовало даже в наиболее милитаристской и принудительной среде всех древних империй — в Ассирии, не говоря уже о знаменитых коммерческих интересах Финикии. Согласно Франку, признание этого факта прокладывает путь для новых исследований трансрегиональных экономических процессов, которые включали циркуляцию товаров и капиталов в древней Евразии, и их влияния на “внутреннюю” жизнь древних империй.

Тезис М.Бернала [29] об афро-азиатских корнях европейской (греко-римской) цивилизации последовательно интерпретируется сугубо в контексте концепции мировой системы, акцентирующей вторичность греческой цивилизации, подъем которой начался только после усвоения опыта и интеграции с наиболее развитыми центрами цивилизации “Востока”, который так и оставался центром экономической активности в эпохи античности и Средневековья. В этом контексте Гиббоново восприятие прошлого сквозь призму “падения Римской империи” требует переосмысления: коллапсу подверглась не империя в целом, а только ее более слабая западная часть, тогда как Восточная Римская империя — в форме Византийского государства — перегруппировалась и укрепила свое экономическое ядро на Востоке. Таким образом, в новой Франковой теоретической системе координат Европа большую часть своей истории была маргинальным, если не паразитическим игроком в противовес центральному статусу Западной Азии.

¹ Это мнение Ходжсона резко контрастирует с Веберовой по духу методологической постановкой П.Андерсона, по убеждению которого “такой вещи, как единый темпоральный медиум, не существует, поскольку существовали разные масштабы исторического времени Абсолютизма, которые были столь разными, что ни одна универсальная темпоральная матрица не в состоянии обеспечить их описание” [28, с. 7].

Франк также произвел переоценку ценностей с точки зрения смены восприятия средневековой Европы сквозь призму идей Маркса и Вебера (оба этих мыслителя рассматривали общества средних веков как статические и закрытые образования) подходами В.Зомбарта и А.Пирена, которые отрицали глубинный характер европейской инволюции времен “темного средневековья”. Но, несмотря на интегрированность Западной и Восточной Европы, а также исламского мира, Европа оставалась периферией на фоне достижений ядра мировой системы, находившегося на Востоке.

Франк подвергает сомнению тезис Валлерстайна о существовании трех автономных мир-экономик — в регионе Индийского океана, в Китае и Европе/Средиземноморье, — взаимодействие которых между собой сводилось исключительно к “конвергенции” пограничных территорий. Эволюция до-модерных мир-экономик, согласно Валлерстайну, шла в разных направлениях: в Европе социоисторические трансформации привели к возникновению капиталистической мир-экономики, тогда как “Индийская” мир-экономика так и осталась на уровне мелкотоварного производства. Для Франка даже открытие Нового света, обеспечившее стабильное поступление ценных металлов в Европу, не смогло выровнять торговый дисбаланс между Востоком и Западом, ведь еще в 1680 году английский меркантилист Иосия Чилд замечал, что торговля империи Великих Моголов с государствами Востока вдесятеро превышает объем внутриевропейского экономического обмена. Поэтому для Франка логичным представлялся вывод историка Китая Ж.Герне, призывавшего отказаться от привычки сводить историю мира к истории Запада и убеждавшего рассматривать современную эпоху как результат развития урбанистической, торговой цивилизации, которая еще до монгольских завоеваний охватывала территорию от Средиземного до Китайского моря: “Запад собрал вместе части этого наследия и получил от него импульс, сделавший возможным его собственное развитие. Трансферу цивилизационных достижений также способствовали крестовые походы¹ XII–XIII веков и расширение Монгольской империи XIII–XIV веков... Запад своим подъемом, сменившим относительную изолированность этого региона, обязан морской экспансии, пришедшейся на период, когда две крупнейшие цивилизации Азии (Китай и исламский мир. — П.К.) оказались под угрозой” [31, с. 347–348.].

По убеждению Франка, традиционная экономическая история с ее поиском факторов успеха Запада внутри Европы — даже попытки включить в рассмотрение Остальных ограничиваются фиксацией их исторической, экономической, социальной, политической, идеологической и культурной “неполноценности”² — должна смениться анализом событий с точки зрения их места в мировой системе. Традиционные марксисты, согласно А.Гоулднеру, делились на два лагеря в зависимости от того, какое измерение Марксового учения они акцентировали — тезис о материальных условиях про-

¹ О.Добиаш-Рождественская предлагает глубокий анализ мотивов крестовых походов и их последствий для Западной Европы в форме научно-популярной биографии Ричарда I [см.: 30].

² Например, отсутствие четко определенных норм, которые бы регулировали функционирование института собственности. Эта идея прослеживается в трудах ряда исследователей — от Д.Норта [32] до Э. де Сото.

изводства, формирующих общественные отношения и формы сознания, или положение о первичности классовой борьбы и классового сознания как движущих сил истории, склонялись к объяснению капиталистической динамики, прибегая к одной из двух парадигм: средства производства *versus* классовая борьба. Методологическая альтернатива, очерченная Франком, более радикальна, чем отказ Валлерстайна от понятия общества¹ как единицы анализа, и отбрасывает способы производства, поскольку при таком подходе производство и внутренние факторы социальных изменений приобретают привилегированный статус. В качестве единицы анализа Франк рассматривает процессы материального и военно-политического взаимодействия, распространяющиеся в мировом масштабе. Этот подход обуславливает акцент на других факторах: накоплении, обмене и конкуренции между гегемонами. Сформулированный Франком вывод позволяет четко увидеть как сходство, так и отличие его исследовательской программы от Валлерстайновой: “Мы понимаем мировую систему как *locus* и процесс накопления как ее движущую силу развития, как первичную детерминанту исторического процесса. В этом аспекте мы полностью соглашаемся с Валлерстайном, Амином, Абу-Ладждход и другими... Однако... мы стремимся значительно расширить пространственно и темпорально применение нашей методологии. Мы также разделяем убеждение, что марксистской и неомарксистской историографии не следует замыкаться на “изоляционистской” ортодоксии, которую она сама себе навязывает. Анализ в духе исторического материализма, марксистского или иного толка должен становиться холистическим... Только тогда мы сможем надеяться постичь каузальную рамку перехода во всей ее полноте, в масштабе “мира как целостности”, независимо от того, что мы будем анализировать — способы производства, центры накопления или державы-гегемоны”² [11, с. 9–10].

Еще одной значимой реконструкцией марксизма была попытка Франка ограничить действенность принципа классовой борьбы в его ортодоксальной интерпретации. В свое время польский марксист Л.Новак заметил, что переход ни от рабства к феодализму, ни от феодализма к капитализму не происходил вследствие борьбы господствующих и угнетенных классов. Скорее происходил конфликт между старой и новой “элитами” общества, развившийся в ответ на экономические потребности. Сакрализованные марксизмом-ленинизмом “народные массы” играли, в лучшем случае, вспомогательную роль. Франк разделяет мнение Дж.Голдстоуна, который различает восстание и революцию (революция — это успешное восстание) и

1 Франк замечает, что “в реальности ни одна политико-географическая/пространственная единица или образование — будь то нация или государство — не является устойчивой. Все они скорее калейдоскопически трансформировались и продолжают трансформироваться на основе процесса накопления в мировой системе” [11, с. 11].

2 Несмотря на то, что М.Манн тоже отказывается от понятия “общество”, его подход методологически отличен от Франковского в силу антисистемной направленности, непосредственно полемизирующей как с парсонсианством (отрицание социальных систем и эволюционизма), так и с марксизмом (сомнение в эвристичности постижения “общества” в терминах тотальности). Данная ориентация Манна обусловлена его веберинским по своей сути скепсисом в отношении возможности конструирования универсальной концепции общества [см.: 32, с. 1–2].

считает, что паралич и разрушение старого государственного аппарата имеет шансы на успех лишь при условии “фракционного конфликта внутри элиты по поводу доступа к должностям, патронажу, политике государства, а не как результат конфликта между классами”¹ [34, с. 461]. Подобное мнение еще в середине прошлого века высказал П. Вилар, справедливо замечавший: “Разве великие революции не происходят благодаря совпадению интересов зажиточных классов, желающих стать революционными, и нищих классов, которые вынуждены становиться революционными, тогда как революции нищих всегда неуспешны” [цит. по: 35, с. 203].

Тезис о пятитысячелетней мировой системе не означает, что Франк не осознавал ловушки трансисторицизма, в перспективе которого вся мировая история остается неизменной. Он настаивает, что не отрицает реальности постоянного изменения и реструктуризации, происходящих в мировой экономике. Франк лишь пытается доказать, что процесс накопления капитала существовал в мировой системе задолго до возникновения “капиталистической современной мир-системы” и что в ритмах расширения и сжатия этой мировой системы/экономики прослеживается последовательность, которая тоже существовала до появления Валлерстайнового исторического капитализма. Таким образом, эти процессы являются не результатом, а скорее фактором возникновения мировой системы [см.: 11].

Использование ошибочных — по мнению Франка — категорий формационно-стадиального анализа делает невозможным адекватное понимание нынешних событий, особенно в свете исчезновения ленинизма, интенсификации дебатов о кризисе американской гегемонии и все большей популярности идеи “конца истории”. Поэтому самым лучшим рецептом, с точки зрения Франка, становится отказ как от категории “способ производства”, с которым Валлерстайн отождествлял свою современную мир-систему, так и от “капитализма” как от феномена, идентификация которого невозможна, поскольку характеристики этого якобы особого типа общества прослеживаются в течение 5000 лет.

Выводы

Франк всегда выразительно подчеркивал, что дихотомию культуры и структуры он решает в пользу структуры, признавая первичность последней. По его собственному признанию, Франк черпал интеллектуальные импульсы из лекций структурно-функционалистски настроенных антропологов Раймонда Фирта и Мейера Фортеса. К кругу амбиций Франка с самого начала его научной карьеры относилась выработка обобщающей теории общественного развития. Поэтому вполне справедливо, что допущения Франковой исследовательской программы мировой системы о структуре глобальной истории претендовали на осуществление “переворота в науке”,

¹ Сравнение взглядов Франка с идеями такого влиятельного исследователя коллективного действия и революций, как Ч. Тилли, позволяет зафиксировать как сходство, так и различия в их дискурсах. Так, Франка и Тилли объединяет желание изучать “крупные структуры, длительные процессы и гигантские сравнения” (это название одной из книг Тилли), однако разобщает Тиллиево убеждение в относительной “молодости” — несколько последних столетий — единой мировой системы.

если воспользоваться словарем Энгельса, или научной революции, в терминах Т.Куна.

Франк отмечает, что принятие тезиса о мировой системе превращает национальное развитие во временное улучшение позиции региона или индивидов внутри системы. Следовательно, термин “развитие” лишен какого-либо смысла, за исключением случаев, когда он применяется к развитию мировой системы в целом, а не к анализу ее отдельных частей. Теория мировой системы бросает вызов национально-государственным основаниям теории и практике “модернизации” как в ее капиталистической, так и в социалистической инкарнации, поскольку те, кто уверовал в модернизацию, всегда платили за нее высокую цену и страдали от ее последствий. Убедительным примером может быть “социалистическое развитие”. По мнению Франка, термин “развитие социализма” должен был замаскировать реальность “социалистического развития”, которое было только одной из форм национального развития в системе координат “суверенного” государства. То есть “социалистическое развитие” должно восприниматься лишь как привлекательная ловушка и обман. В то же время Франк с сожалением констатировал, что неудача “социалистического развития” приписывается — особенно когда речь идет об идеологах правых — “социалистической” составляющей этого (не)развития. Такой тип развития прошел испытание в недоразвитых регионах мира, которые были недоразвитыми в течение веков и остаются таковыми сегодня. Поэтому их “отсталость” — это следствие не “социализма”, а места в мировой системе, до сих пор остающегося неизменным. Достижение “капиталистических” обществ были такими же сомнительными и должны осмысливаться как функция статуса страны внутри мировой системы. Отсюда вытекает логичный, по мнению Франка, вывод, согласно которому “политика” и “теория” развития по большей части являются лукавством. Очень немногие участники этой драмы (фарса? трагедии?) стремились к чему-то большему, нежели собственное обогащение¹. Это правда как для “капитализма”, для которого это является “естественным”, так и для “социализма”, для которого это может быть “неестественным”, но это происходит в любом случае. Внутри системы, продолжает Франк, только меньшинство может выиграть гонку за “развитием”, но даже для них лидерство будет недолговременным. На этом фоне логичным представляется заявление о том, что феномен зависимости всегда существовал в рамках мировой системы, и вероятность его исчезновения ничтожна. Франк считает, что “развитие”, как лозунг дня, уступило место “демократии”, хотя, по его мнению, императивы кризисного менеджмента в условиях экономического упадка подрывают возможность демократического контроля за правительственной политикой.

Интернализовав призыв Ницше философствовать молотом, Франк в рамках исследовательской программы мировой системы выполняет преимущественно функцию разрушителя стереотипов и очевидностей социальной теории. Риторический стиль Франка подобен стилю Сталина: обоим авторам присущи акцентированные и многочисленные повторы одного и

¹ Это утверждение Франка содержит в зародыше всю теорию постразвития. О концепции постразвития подробнее см.: [36].

того же тезиса или аргумента с незначительными вариациями. Франк также склонен к нигилистичным критическим нападкам на своих оппонентов, которые, впрочем, платили ему тем же. Обоснованность его собственных постулатов нередко порождает обоснованные сомнения, однако это не мешает Франку указывать на фундаментальные заблуждения современного теоретизирования об общественном развитии: евроцентризм, обратной стороной которого является ориентализм, фрагментарность, отсутствие глобального взгляда на социум и мышление в терминах краткосрочной перспективы.

Позитивную эвристику Франковой исследовательской программы, в рамках которой он попытался исправить ошибки своих оппонентов, подрывает экономический детерминизм, структуралистский уклон и жертвование особым в пользу общего. Базовая проблема Франка как теоретика — это превращение им социологического дискурса в идеологию, в центре которой находятся антиевроцентризм и антиамериканизм, и в этой плоскости его исследовательская программа мировой системы почти не отличается от предыдущих конструкций периода мышления в терминах развития недоразвития.

Тезис Франка о непрерывности мировой системы, насчитывающей как минимум 5000 лет истории, служит логичным ответом на Валлерстайнову неопределенность относительно истоков капиталистического развития: лишая капитализм репутации носителя принципов эффективности и рациональности, основатель мир-системного анализа собственноручно нивелирует особенность этой исторической системы. Собственно говоря, Франкова критика Валлерстайнового объяснения истоков современной мир-системы оказывается такой убедительной из-за нежелания/неспособности Валлерстайна признать необходимость синтеза мир-системного анализа с социологией Вебера и достижениями исследовательской программы модернизации¹.

Вместе с тем сопоставление Франковой мировой системы, являющейся рыночной по природе с самого начала своего существования, с Веберовой исторической социологией капитализма служит ярким подтверждением схематичности построений Франка, которые лишают исследователя инструментария проведения различий между обществами и эпохами, поскольку этот пламенный критик несправедливости прибегает к интерпретации даже неоднозначных данных в подтверждение своих предположений (например, система дани Ахеменидской империи призвана, по его убеждению, указывать на статус ее супернакопителя в пределах мировой системы). Франк абсолютно игнорирует дистинкцию между товарным производством и производством потребительских стоимостей, которую зафиксировали разные мыслители, — от Аристотеля до К.Маркса и К.Поланьи, — используя концептуальный словарь, применяемый для анализа хронологически современных нам обществ, для описания античных социумов. Так, упадок внешней торговли Афин в V–IV веках до н.э. объясняется индустриализацией (sic!) периферии, которая осуществляла импортзаменную политику. Известный историк античности М.Финли отмечал, что существуют рабские общества и общества с рабами. Воспользовавшись методом аналогии, можно утверждать, что существуют рыночные общества и общества с

¹ Я предпринял попытку такого синтеза, дополнив Веберову дихотомию авантюристического и рационального капитализма валлерстайновско-броделевской оппозицией рынка и капитализма [4, с. 305–306].

рынком. Нарратив Франка об обществах античности напоминает своим пафосом и терминологией Марксову дескрипцию буржуазного общества: “В эллинистических регионах была изобретена смесь полиса с восточным деспотизмом для разрешения классовых противоречий и способствования экономическому расширению” [12, с. 645], тогда как в течение следующих 200 лет, лет фазы *Б* Кондратьевского цикла, “в Греции и Италии *капиталистические* (курс. мой. — *П.К.*) землевладельцы процветали за счет упадка свободного крестьянства” [12, с. 646].

Мое исследование говорит в пользу следующего вывода: ответы Франка на основополагающие вопросы социальной теории несовершенно, а отчасти — ошибочны. В то же время его резкие нападки на социологическое теоретизирование об источниках динамики Востока и Запада торят путь интеллектуальному поиску объяснения факторов подъема и упадка обществ в пределах единой мировой системы. Конструкции Франка настолько же провокативны, насколько и монументальны; они служат важным побуждением для дальнейших теоретических построений. Поэтому более конкретные положения Франковой исследовательской программы (в частности, концепция о доминантной позиции Азии в мировой системе) требуют отдельного рассмотрения и оценки их теоретической и эмпирической адекватности.

Литература

1. *Homans G.C.* Coming to my Senses: The Autobiography of a Sociologist. — New Brunswick, 1984.
2. *Кутуев П.В.* Зависимость, недоразвитие и кризис в социологии развития Андре Гундера Франка: критический анализ // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 4. — С.110–129.
3. *Кутуев П.В.* Соціологія та ідеологія в соціологічному дискурсі: випадок Андре Гундера Франка // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. — К., 2003. — Вип. 24. — С. 146–158.
4. *Кутуев П.В.* Концепції розвитку та модернізації: еволюція дослідницьких програм соціологічного дискурсу. — К., 2005.
5. *Frank A.G.* ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. — Berkeley, 1998.
6. *Кутуев П.* Франкова переорієнтація: Засадничі припущення та імплікації для соціологічного теоретизування // Наукові записки НАУКМА. Соціологічні науки. — 2006. — Т. 58. — С. 3–12.
7. *Абрамсон М.Л., Кириллов А.А., Колесницкий Н.Ф. и др.* История средних веков : Учебник для студентов исторических факультетов педагогических институтов / Под ред. Н.Ф.Колесницкого. — М., 1980.
8. *Frank A.G.* Immanuel and Me With-Our Hyphen // Journal of World-Systems Research. — 2000. — Vol. 6. — № 2. — P. 216–231.
9. *Frank A.G.* Comment on Janet Abu-Lughod’s “The Shape of the World System in the Thirteenth Century” // Studies in Comparative International Development. — 1987. — Vol. 22. — № 4. — P. 35–37.
10. *Wallerstein I.* World System versus World-Systems: A Critique // The World System: Five Hundred Years of Five Thousand? / Ed. by G.Frank, B.K.Gills. — L., 1993. — P. 292–296.
11. *Frank A.G., Gills B.K.* The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction // Humboldt Journal of Social Relations. — 1992. — Vol. 18. — № 2. — P. 1–81.

12. *Gills B.K., Frank A.G.* World System Cycles, Crises, and Hegemonial Shifts, 1700 BC to 1700 AD // Review: A Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations. — 1992. — Vol. 15. — № 4. — P. 621–687.
13. *Frank A.G., Gills B.K.* The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. by R.A.Denemark, J.Friedman, B.K.Gills, G.Modelski. — L.; N.Y., 2000. — P. 3–23.
14. *Gills B.K., Frank A.G.* A Structural Theory of the Five Thousand Year World System // Structure, Culture and History: Recent Issues in Social Theory / Ed. by S.C.Chew, J.D.Knottnerus. — Lanham, 2002. — P. 151–178.
15. *Wallerstein I.* Hold the Tiller Firm: On Method and the Unit of Analysis // Essential Wallerstein. — N.Y., 2000. — P. 149–159.
16. *Frank A.G.* Latin America: Underdevelopment or Revolution. Essays on the Development of Underdevelopment and Immediate Enemy. — N.Y.; L., 1969.
17. *Wallerstein I.* The West, Capitalism, and the Modern World-System // Review: A Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations. — 1992. — Vol. 15. — № 4. — P. 561–620.
18. *Wallerstein I.* Social Science and the Quest for a Just Society // American Journal of Sociology. — 1997. — Vol. 102. — № 5. — P. 1241–1257.
19. *Bergsen A.* Let's Be Frank about World History // Civilizations and World-Systems: Studying World-Historical Change / Ed. by S.Sanderson. — Walnut Creek, 1995. — P. 195–205.
20. *Wallerstein I.* Opening the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission. — Stanford, 1996.
21. *Ekholm H., Friedman J.* “Capital” Imperialism and Exploitation in Ancient World-System // Review. — 1982. — Vol. 4. — № 1. — P. 87–109.
22. *Gamble A.* Britain's Decline: Some Theoretical Issues // The Rise and the Fall of the Nation State / Ed. by M. Mann. — Oxford, 1990. — P. 71–90.
23. *Kennedy P.* The Rise and Fall of Great Powers. — L., 1989.
24. *Teggard F.J.* Rome and China: A Study of Correlation in Historical Events. — Berkeley, 1939.
25. *McNeill W.* The Rise of the West: A History of the Human Community. — Chicago, 1963.
26. *McNeill W.* The Rise of the West After Twenty Five Years // Journal of World History. — 1990. — Vol. 1. — № 1. — P. 1–22.
27. *Hodgson M.G.S.* Hemispheric Interregional History as an Approach to World History // UNESCO Journal of World History. — 1954. — Vol. 1. — № 3. — P. 715–723.
28. *Berson P.* Lineages of the Absolutist State. — L., 1974.
29. *Bernal M.* Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. — New Brunswick, 1987.
30. *Добуаш-Рождественская О.А.* Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. — М., 1991.
31. *Gernet J.* A History of China. — Cambridge, 1985.
32. *North D.C., Thomas R.P.* The Rise of the Western World. A New Economic History. — Cambridge, 1973.
33. *Mann M.* The Sources of Social Power. — Cambridge, 1986. — Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760.
34. *Goldstone J.* Revolutions and Rebellions in Early Modern World. — Berkeley, 1991.
35. *Wallerstein I.* The Modern World-System. — Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. — San Diego, 1974.
36. *Кутуєв П.В.* Чи потрібен розвиток після розвитку? Дискурс построзвитку в західній соціології розвитку і модернізації // Мультиверсум: Філософський альманах. — К., 2003. — Вип. 32. — С. 149–159.